Стихотворение	Отзывы
1 **Колобок** Унеси меня, лиса. Ты не видишь, что ли, замыкает полюса от ресничной соли. Заблудился, занемог маменькин разведчик. Преврати меня в замок на воротах речи. Где приставок тополя, где глаголов корень, где купается земля в громе колоколен, всякий светел, всяк спасён, всякий безупречен. Унеси меня, лисён. Мне спасаться нечем.	**Зинаида Сюникаева:** Тёплое, доброе, лиричное стихотворение. Возвращает в сказку. Оно – не об уходе от жизни, а о возвращении к ней, к миру настоящих чувств, настоящей любви, настоящих слов. Мир вокруг такой колючий, и часто хочется забраться в детство, в сказку, в хорошее стихотворение, как под тёплое одеяло, свернуться калачиком и уснуть. **Евгений Турманов:** Стихотворение насыщено, с одной стороны, детскими сказочными мотивами, с другой – филологическими и лингвистическими понятиями. Лирический герой хочет уйти из надоевшей фольклорной действительности в рай приставок и частиц. Но есть ли внутренняя, неочевидная связь между сказкой и филологией? Не знаю. Может быть, взломав замок на воротах речи, мы это поймём.
2 *** Хорошо на берегу времени. Вот – по поверхности лодочкой белой луна плывёт. Ко мне подходят, болтаем о том - о сём, болтаем ногами в воде, понемногу пьём из этой реки, по которой скачут летучие рыбы знакомых имён. Вот «чехов» скачет, выгибает хребет, на «мандельштаме» посекундно меняется цвет. Но всё-таки, разве жизнь жить - чтоб потом именем по воде шуршать? и зачем, при стремлении к прямоте, кругами бродить от воды – к воде? и о чём поют рыбы там, где? – о красоте, – пробулькивает одна, на секунду вынырнувшая со дна.	**Зинаида Сюникаева:** Читаешь – и кажется, что ты плывёшь по течению авторской речи, и вода уносит тебя всё дальше и дальше… Плывёшь, беседуя с летучими рыбами, и не замечаешь, как незаметно выплываешь в небеса. **Евгений Турманов:** Рискованная попытка написать на державинские темы полозковским размером. Вопрос в том, оправдан ли риск в данном случае? Такой эксперимент требует не только мастерства, но и большого жизненного опыта, умения широко и аргументировано разворачивать тему, выдающейся мощи поэтического доказательства. Этого я в полной мере в данном тексте не наблюдаю. Непонятно, почему в стихотворении упоминаются именно Чехов и Мандельштам, а не другие писатели. Не хватает ёмкости, глубины, широты дыхания. Автор, плывя по течению реки времён, боится взглянуть на её дно, предпочитая плескаться на поверхности.

3

* * *

Было холодно, молодо, ясно.
Дети спали в господском снегу.
Хриплым голосом Абеля Ганса
Подзываю слугу.

Вас прадедушка в Англию выслал,
Не бавария, так кострома.
Сочиняю какие-то числа,
Пью винцо в синема...

И внезапную бонапартию,
Как простуду, тащу от реки,
Женераль, не лечите Россию
Мановеньем руки.

Вам чудские пожалятся немцы,
Чугунками по льдинам долбя —
Как птенца, принесли в полотенце
Крест, любя.

Все болтают пустые невестки,
Приживая детишек от слуг:
Княже Невский, погиб, княже Невский,
Кременчуг погорел, Кременчуг.

Ежли новые станут тевтоны
Есть глазами отеческий дым —
Менделеев, вложившись в патроны,
Ломоносова пустит по ним.

Зинаида Сюникаева:

Так хорошо и жутко! В интонации стиха – мужество, стоицизм, величественность жеста Ксеркса, приказывающего выпороть море. Холодное, жёсткое, «зимнее» стихотворение. Внешний холод, преодолеваемый внутренним жаром человека огненного нрава, судьбой прикованного к снегам. Бескрайние снега, гигантский костёр и чёрный удушливый дым запечатанного в русские рифмы отчаяния.

Евгений Турманов:

Стихотворение свидетельствует о высокой поэтическая культуре автора. На мой взгляд, одно из самых сильных в подборке. Ассоциативный ряд, возникающий в сознаниии при чтении, очень обширен. Образы, исторические параллели, воспоминания о прошлом и будущем, а за ними – холод господского снега и холод Господних рук, в которые попала неприкаянная судьба человеческая.

4

Переводи меня на свет,
на снег и воду.
Так паучок слюною лет
плетёт свободу.

Так улыбаются киты,
когда их будят.
Так персонажами Толстых
выходят в люди.

Переводи меня на слух.
Из школы в школу.
Так водят маленьких старух
за корвалолом.

Так замирает над гудком
автоответчик.
Переводи меня тайком
на человечий.

Зинаида Сюникаева:

Плетение словес, плетение свободы, плетение солнечных кругов. Разрешение всех проблем, затаённое в отсутствии явных вопросов. Примирение с жизнью, так и не понятой, но возлюбленной... Стихотворение-импрессия. Стихотворение, сочиняющее себя на глазах читателя. Стихотворение – как глоток воздуха среди нагромождения серых безликих словесных глыб современной литературы. Или как обаятельная улыбка просыпающегося кита.

Евгений Турманов:

Боюсь, что перед нами – очередное филологическое стихотворение. Лёгкая литературная игра, за которой ничего не стоит. Перевод с языка на язык. В этой вещи не хватает подлинной глубины, драматизма, чего-то выстраданного, сокровенного.

	Только ритмика и доверительная интонация стихотворения кажутся настоящими, живыми. А в целом – на мой субъективный взгляд, просто эксперимент, удачный, но и только.
5 **Грибоедов** Хорошо в сторожке, тепло… не очень, И придет-то кто, и за солью, что ли? — За персидской сиренью, что сны и ночи Источает сладость, лишая воли. Кто придумал пленницу в палисаде Полуголую выставить на смотрины? На сосновой лежке собачьих свадеб Розовей разломленной осетрины И податливей тело царевны влажной. Полдеревни в профиль стоит к сторожке. Не своею — дремучей сосновой жаждой Пребывает в сонной, тупой кормежке. Но любою став отощавшей вещью, Но травой сухой на краю куртины, Эту горечь пряжную человечью Грибоедовской безутешной Нины — Что самшит, что сопутствующий олеандр Обнимать до последнего слога стану. За сирень персидскую, Александр! — Соловьи в сирени сокроют тайну. Соловьи — сплошь разбойники в дикой роще, Плоть от плоти ратники, тень от тени. Отцветает родина, сердце ропщет — В изумленье персов, перстах сирени.	**Зинаида Сюникаева:** Скромное очарование разочарованности. Насыщение горечью отцветающей родины. Охота эту горечь пить до дна, как в последний раз, – чтобы хоть какой-то осадок остался от этой жизни… Сочувствуешь герою стиха, дышишь персидской сиренью, соловьями-разбойниками, глубиной русской ночи, за которой открывается иная глубина. Весенняя, опьяняющая болью до слёз, до кровавого пота Гефсимания Вазир-Мухтара. **Евгений Турманов:** Грибоедов – это тема, с которой не каждый поэт справится. Здесь неизбежны Тынянов, Сергей Петров и ещё сотни литературных призраков, отягощающих поэтическую ткань произведения. Поэтому так велик риск создать нечто вторичное. Хотя тема, безусловно, в высшей степени актуальная, приходящася « ко времени». Несмотря на литературность темы и богатую метафорическую насыщенность стиха, эта вещь не становится книжной, замкнутой. Стихотворение подлинно трагическое, прочувствованное, злое и жёсткое по-современному. Окна грибоедовской сторожки распахиваются, и в них врывается ветер нашего времени, а за ним – бури из будущего.
6 **ИГРУШЕЧНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ** по резной тропинке посерёдке льдин на златой цепочке месяц посиди рукава промочишь в дереве реки солнечные плечи детские легки безотцовым ранцем брошенным на крюк добрым иностранцам указать на юг помяни как солнце слитое с горой долго вызревает над печной трубой над трубой каминной звёздочка и ночь на резной лошадке скачет скачет прочь	**Зинаида Сюникаева:** Детские воспоминания, поток сознания ребёнка. Детство, лето, дача, открытые глаза, зелёные грядки с алой земляникой, рука отца в твоей руке… Всё игрушечное, всё настоящее. Читаешь – и солнышко медленно вызревает не только над печной трубой, но и в сердце. **Евгений Турманов:** Хорошая поэтическая инфантильность. Поэтический наговор, то, что сам себе бормочешь, ища пенсне или ключи – от родины, от детства, от дома, где тебе хорошо. Говоришь, говоришь – как идёшь вслепую, не видя, куда шагаешь, но зная, что тебя

	ведут именно туда, куда надо – к себе, к первозданности, к правде.
7 *** такой ветер как будто на море по воде русалки идут на вытянутых руках несут свои хвосты в знак отсутствия зла в нас нет угрозы мы не замышляем обратной метаморфозы давайте жить в мире сварим уху чтобы все были сыты море проходит сквозь потаённое сито и рыболовные снасти нового поколения приносят богатый улов кожа убитой русалки растертая до состояния её первых слов способствует от головной боли и пищеварению	**Зинаида Сюникаева:** Русалка, которую пускают на уху, – это такой же избитый образ, как добрый дракон, питающийся морковкой, или баба-яга на реактивной ступе. (Давно уже сказано: «У Лукоморья дуб срубили, русалку паспорта лишили – далее по списку».) Осовременивать сказки надо более оригинально. А такой подход меня, извините, не трогает. Единственное, что я могу об этой вещи сказать хорошего, – что я с идеей стихотворения полностью согласна. А это значит, что ничего хорошего я здесь сказать не могу. **Евгений Турманов:** Это стихотворение слишком легко, чтобы быть глубоким. Оно, может быть, и искреннее, но неотработанное, несозревшее. Ирония в конце слишком кощунственна, чтобы быть удачной. На мой личный взгляд, по крайней мере.
8 **МОНОЛОГ АУТСАЙДЕРШИ** Я не вошла в тот круг. Я вне его приязней, дружб. Я не наследница. Оне пируют без меня, а мне лишь остается в глубине забытой камбалой на дне о пене размышлять, во сне наперсника искать. Блесне не дадено торчать во мне. И критикесса сквозь меня холодным взором смотрит. Я ей незнакома. Лишь родня ко мне придет проститься, льня к тому, что было мною, мня, что делает добро, лия попутно слезы и стоня, (стеная, впрочем)... Ныла я уж долго, время не ценя. Итак, я не вошла в тот круг, поскольку было недосуг мне с ними водку пить. Супруг не одобряет. Ни испуг пред алкоголем и ни стук	**Зинаида Сюникаева:** Речь пожилой актрисы, написанная специально для юбилейного бенефиса. Так и видишь: красный бархат кулис, приторно-сладкий надоедливый запах театральной пыли, тишина и яркое зеркало в гримёрке. И уютный разговор с самой собой. **Евгений Турманов:** Слишком традиционно, слишком рассудочно. Понятно, почему автор относит себя к аутсайдершам. Но в целом вещь неплохо сделана – написано бойко, размер живой, рассказана правдивая история. Аутсайдеры иногда талантливее лидеров. Единственное – не хватает глубины дыхания, делающего стихотворение подлинно трагическим. Стихотворение, предназначенное осмыслить и подвести итоги целой жизни, превращается в изящный мадригал в изысканный поэтический альбом, созданный, чтобы пылиться в почётном заточении на витрине провинциального литературного музея.

соседей – не причины. Мук
я трезвости не знаю. Друг
не грел моих прохладных рук.
Скорей уж стирка да утюг.
Я круга – вне. Величина,
неведомая вам. Жена
инкогнито, я – глубина
немеренная, я – весна,
никем не взращена – одна,
всегда одна, одна, одна,
как звук зурны, сама зурна –
затерянная сторона.
Умру – поймете: вот те на!

9

***

Если бы наверняка знать,
из чего поэзия состоит,
как шьют её так, что у строк нет шва,
а ткань – невесомая.
Подносишь к окну её, на просвет –
а она – прозрачна, будто её и нет –
только рама, в которую вставлена синь,
и оттуда в меня смотрит бездна.

И страшно, и голос во мне:
«отвернись»
но кажется, если я отвернусь,
то сама исчезну.

Зинаида Сюникаева:

Стих без единого шва, прозрачная несотворённая ткань, лёгкая, как тюлевая занавеска на окне весенним вечером. Блики солнца на полуотворённом оконном стекле. Пыль, пляшущая в золотом луче. Внезапный порыв свежего ветра – пронизывает до лопаток… И чувство нереальности себя и мира, нереальности, переходящей в бессмертие. Помните, как когда-то:

– *…Неужели я настоящий*
И действительно смерть придёт?

Евгений Турманов:

Изящное упражнение на заданную тему. Нет ни одного слова, которое выбилось бы за пределы установленной тематики. Всё так точно и хорошо сделано, что было бы плохо, если бы… если бы не лёгкость и искренность интонации, делающие безупречную выстроенность стихотворения естественной и непринуждённой. Если бы не интонация – было бы банальное повторение избитых тем, скучное, как истина, и глупое, как совершенство.